

Анна
Бусел

ЕВАНГЕЛИЕ
ОТ МАРКСА

Анна Ивановна Бусел

Евангелие от Маркса

Серия «Левый марш»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27449945
Бусел А. И. – Евангелие от Маркса: Алгоритм; Москва; 2007
ISBN 978-5-9265-0397-2

Аннотация

При входе в Мавзолей В. И. Ленина изображен священный герб СССР с восходящим солнцем. Солнце указывает на таинственную связь Ленина с грядущим Спасителем. Кто-то возмутится: марксизм – атеистическое учение. Маркс был атеистом, и Ленин был атеистом. Так некогда говорили и о Христе: «Не от Бога этот человек». Автор в этой книге доказывает, что идеи Маркса, идеи Нового Мира, воплощенные в жизнь в ходе миссии Ленина, по своим масштабам и целям сродни идеям Великого Учителя человечества – Иисуса Христа.

Содержание

Предисловие	5
И мы веруем, потому и говорим	8
Ваш отец – Дьявол. Он лжец и отец лжи	26
Обновиться духом ума	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Ивановна Бусел

Евангелие от Маркса

© Бусел А. И., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

Предисловие

В настоящее время среди воцерковленных верующих все больше утверждается мнение о Ленине и большевиках как о сатанистах, богоборцах, противниках и гонителях всякой религии, особенно православного христианства.

Между тем и учение Христа, и учение марксизма-ленинизма есть учения развития, эволюции, совершенствования, данные человечеству в разное время в соответствии с уровнем его сознания. Оба учения являются ступенями единой эволюции и указывают общую, еще не достигнутую цель совершенствования – светлое будущее, Мировую Общину.

Действительно, что же иное, как не эволюцию, означают слова апостола: «Отложите прежний образ жизни ветхого человека, обновитесь духом ума вашего и **ВОЗРАСТАЙТЕ В НОВОГО ЧЕЛОВЕКА**, в мужа **СОВЕРШЕННОГО**, в полную меру возраста Христова».

Если приложить диалектический метод к учению Евангелия, то оно перестанет казаться сплошной кашей из противоречий (а всякое живое, развивающееся учение внешне противоречиво), но будет учением постепенного совершенствования или эволюции человечества, где каждой ступени соответствуют свои заповеди. В Евангелии есть заповеди ветхозаветным людям, стоящим на низших ступенях эволюции духа и только начинающим свое восхождение к совершен-

ству. Есть заповеди, данные на переходный период от ветхозаветного мира к Новому Миру. И есть заповеди новому человеку.

Диалектический метод приложим и к учению марксизма-ленинизма как к учению эволюции и развивающемуся учению. С эволюцией сознания самих социал-демократов марксизм-ленинизм в своем развитии проделал путь от низших, младенческих форм вульгарного, т. н. «экономического» материализма с его первоначальной формулой «бытие определяет сознание» (что справедливо лишь для низших уровней сознания) до высших, духовных форм ленинизма, где первостепенная, решающая роль отведена коммунистическому сознанию (духу). По учению Ленина, «социалистическое сознание у рабочих масс – это единственный базис, который может обеспечить нам победу».

Следовательно, глубоко ошибаются те, кто называет учение марксизма-ленинизма «бездуховным». О том, какую роль Ленин отводил духу, говорят его слова: «Сознание не только отражает жизнь, но и творит ее».

Итак, ДУХ ТВОРИТ ЖИЗНЬ. Уже одна эта формула ставит учение марксизма-ленинизма в один ряд с религиозно-философскими учениями, особенно с платонизмом (из которого многое позаимствовали христианские богословы). Напомним, что понятие бога у Платона – это безличный «Разум» и «Высшее Благо». И если забыть бесплодные споры идеалистов и материалистов, то какой коммунист не согла-

сится с тем, что коммунизм есть Разум и Высшее Благо?...

И мы веруем, потому и говорим

*...Христиане, получив положение
государственной религии, «забыли» о
«наивностях» первоначального христианства с его
демократически-революционным духом.
В. И. Ленин*

Как уже было сказано, сущность христианства заключается в постепенной эволюции или совершенствовании человечества от ветхого мира к Новому Миру: «Отложите прежний образ жизни ветхого человека», «возрастайте в нового человека, мужа совершенного». Исполняя Христову заповедь совершенства: «Если хочешь стать совершенным, продай имение твое, раздай нищим и последуй за Мною, взяв крест свой», – первые христиане в Иерусалиме прежде всего образовали коммуну, где все было общим и разделялось на всех, чтобы не было нуждающихся.

Но эта коммуна была разогнана фарисеями, а уже в 3-м веке учение Христа было извращено лжеучителями в интересах господствующих классов. Отныне Царство Божие полагалось мыслить не на земле, а в загробном мире на небе. На земле все порядки должны оставаться неизменными (хотя молитва Христова гласит: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе»).

Лжеучение церкви стало преградой на пути эволюции

христианского мира, совершенствования социальных отношений. Поиски выхода из тупика в средние века на Западе вылились в движение Реформации. Одно его течение, народно-реформационное, выступало за возврат к первоначальному христианству. Другое течение, которое возглавляла нарождающаяся буржуазия, требовало реформы церкви в своих корыстных интересах. Оба течения выступали совместно до тех пор, пока буржуазия не добивалась своих целей. После этого она переходила на сторону реакции и участвовала в подавлении народно-реформационного движения. В итоге Реформация закончилась победой буржуазии и появлением буржуазных форм христианства – протестантизма и реформированного католицизма, – которые подвели религиозный фундамент под буржуазную собственность и буржуазную мораль.

Реформация была для буржуазии первым этапом борьбы за господство, на котором она, как и народ, выступала под христианскими знаменами. Однако размах народного движения с возгласами «поповской крови и имущества богачей!», требования равенства и общности имущества в духе первоначального христианства заставили ее действовать по-иному. Второй этап борьбы буржуазии за власть проходил уже под знаменем атеизма. Старательно умалчивая о первоначальном христианстве, деятели Просвещения, которые в большинстве своем были членами масонских лож, направили главный удар против феодального строя и его религии –

христианства, объявляя его обманом, средством угнетения народа, удержания его в рабской покорности. Чтобы увлечь народ на баррикады, просветители обращались к нему с речами о необходимости переустройства общественных отношений на началах «разума», «свободы», «равенства» и «вечной справедливости», но обосновывая их не на Евангелии, а на «естественных правах человека», главным из которых было провозглашено *право частной собственности*. Целью буржуазии была дехристианизация народа, чтобы не разделять с ним свою собственность.

Но атеизм для имущих классов оказался палкой о двух концах, и, чтобы снова обуздать народ, им в конце концов снова пришлось обратиться к духовенству за помощью. Как говорил Наполеон, религия связывает идею равенства с небом, что мешает бедняку убивать богатого. Ленин писал: «Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных. Поп должен утешать угнетенных, рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за „осуществимость“ таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять с их господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость» (Ленин В. И. ПСС, т. 26, с. 237).

Буржуазные революции не принесли народу ни свободы, ни равенства, а их результатом явился бурный процесс социальной дифференции в ходе развития капитализма и все та же эксплуатация человека человеком. Новое буржуазное общество оказалось ничуть не лучше предыдущего. Началась критика капитализма и справа, и слева. Передовые мыслители искали пути изменения мира.

Для Маркса и Энгельса обоснованием идеи преобразования мира, революционного вывода о том, что борьба с социальным злом является разумной и неизбежной, стало положение диалектической философии Гегеля о постоянно совершающемся в мире процессе развития, отрицании старого новым, более совершенным. Гегелевская философия рассматривала историю мира как преходящие ступени бесконечного развития, восхождения человечества от низшей ступени к высшим, а истину – как противоречивый, развивающийся через борьбу идей процесс познания, развития науки, поднимающейся с низших ступеней развития на все более высокие. Противоречия – суть и источник развития мира, причина движения и жизни.

Но богослов Гегель отождествил безличный Абсолют, лежащий в основе всех явлений природы и общества, с личным антропоморфным иудейским богом Яхве. Который, по учению церкви, является *надкосмическим творцом*, «*творцом неба и земли*», находится *где-то вне мира* и в то же время собственной персоной водил евреев в пустыне и демон-

стрировал свою «заднюю» Моисею на горе Синай. Это представление богословов, эта химера есть величайший обман, который две тысячи лет иступляет умы философов-идеалистов. А виной всему «отец христианства» – иудей Филон Александрийский, который приспособил греческую философию к иудейскому монотеизму, соединив философию иудаизма с системами стоиков и Платона, отождествив иудейского бога с «первоединым» Платона и его понятием Бога как «разума», «высшего блага», тем самым вульгаризировал греческую философию. Как отмечает исследователь В. Е. Крылов, «...два видных историка иудейства – И. Флавий и Филон Александрийский... были евреями, оба высоко чтили „Закон Моисея“ и оба, несомненно, всем сердцем желали, чтобы этот „Закон“ восторжествовал во всем мире»¹.

Таким образом и было создано то эллинизированное иудеохристианство, о котором Энгельс писал: «Откуда происходят представления и идеи, которые в христианстве сложились в своего рода систему, и каким образом они достигли мирового господства? Этим Бауэр занимался до конца своей жизни. Завершающим выводом его исследования является то, что АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ ЕВРЕЙ ФИЛОН... БЫЛ НАСТОЯЩИМ ОТЦОМ ХРИСТИАНСТВА, а римский стоик Сенека был, так сказать, его дядей. Многочисленные дошедшие до нас сочинения, приписываемые Филону, возник-

---

¹ Крылов В. Е. Кумран и Иисус, или Прорыв к Абсолюту // «Вопросы истории», 2005, № 2, с. 116–123.

ли фактически из слияния аллегорически и рационалистически понятых еврейских преданий с греческой, а именно, стоической, философией (...) Если классическая греческая философия, – особенно в последних своих формах, – приводила к атеистическому материализму, то греческая вульгарная философия вела к учению о ЕДИНОМ БОГЕ и бессмертию человеческой души. Также и иудейство, рационалистически вульгаризированное благодаря смешению и общению с неевреями и полуевреями, дошло... *до превращения прежнего исключительно национального бога Яхве в единственного бога, творца неба и земли...* Так монотеистическая вульгарная философия встретила с вульгарной религией, которая преподнесла ей единого бога в совершенно готовом виде. И таким образом была подготовлена почва, на которой у евреев переработка столь же вульгаризированных филоновских представлений могла создать христианство, а, будучи уже создано, христианство могло быть воспринято греками и римлянами»².

Этот иудейский, исключительно национальный бог Яхве, по расследованию тогдашних критиков религии и по заключению Маркса и Энгельса, являлся богом монотеистической философии и монотеистической религии (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2, т. 1, с. 579–580). Вот это заключение Маркса и Энгельса: «Всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех

---

² Энгельс Ф. О первоначальном христианстве. М., 1990, с. 4.

внешних сил, которые господствуют над ними в повседневной жизни, – отражением, в котором земные силы принимают форму неземных. В начале истории объектами этого отражения являются прежде всего силы природы, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые пестрые и разнообразные олицетворения. Этот первоначальный процесс прослежен при помощи сравнительной мифологии – по крайней мере, у индоевропейских народов – до его первого проявления в индийских ведах, а в дальнейшем своем развитии он детально исследован у индусов, персов, греков, римлян, германцев и, насколько хватает материала, также у кельтов, литовцев и славян. Но вскоре, наряду с силами природы, вступают в действие также и общественные силы... Фантастические образы, в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают теперь также и общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил. На дальнейшей ступени развития вся совокупность природных и общественных атрибутов множества богов переносится на одного всемогущего бога, который, в свою очередь, является отражением абстрактного человека. Так возник монотеизм, который исторически был последним продуктом греческой вульгарной философии более поздней эпохи и нашел свое уже готовое воплощение *в иудейском, исключительно национальном боге Яхве*». (т. 20, с. 328–329).

Коммунистам, отвергающим этого ветхозаветного бога,

суждено было пойти к светлому будущему иным, «атеистическим» путем.

* * *

Философской основой марксистского «атеизма» стал материализм Фейербаха. Фейербах пришел к выводу, что образ Бога – это отчужденная духовная сущность самого человека, представляемая как самостоятельное божество. Объявив господствующее христианство вредным и реакционным, парализующим стремление к преобразованию мира, Фейербах провозгласил вместо религии любви к Богу религию любви человека к человеку: человек человеку Бог. Человечество будет освобождено посредством любви.

По признанию Энгельса, Фейербах «серьезно исследует только одну религию – христианство, эту основанную на монотеизме мировую религию Запада, и показывает, что христианский бог есть лишь фантастическое отражение человека» (т. 21, с. 292–293). Таким образом, Фейербах отождествил Дух Божий с духом человека.

Работы Фейербаха оказали большое влияние на формирование марксизма и развитие материализма, «застрявшего в темной абстрактной гегельянщине». По словам Маркса, Фейербах основал истинный материализм и реальную науку (т. 42, с. 154). Энгельс писал: «Заклятие было снято... воодушевление было всеобщим... Все мы стали фейербахиан-

цами... Истинные социалисты Германии ударились в любове-
обильную болтовню».

Но действительность было далека от религии любви. Атеизм буржуазного общества принес с собой «евангелие маммоны», по выражению английского философа Т. Карлейля. «Мы отбросили, – писал Карлейль, – религиозность средних веков, не получив ничего взамен... Но так как место старой религии не могло оставаться незанятым, то мы получили вместо нее новое евангелие, соответствующее пустоте и бессодержательности века, – евангелие маммоны».³ Энгельс тоже называл новое атеистическое мировоззрение буржуазии «теологическим мировоззрением, которому придали светский характер»: «Религиозное знамя развевалось в последний раз в Англии в 17 веке, а менее 50 лет спустя новое мировоззрение выступило во Франции уже без всяких прикрас, и это юридическое мировоззрение должно было стать классическим мировоззрением буржуазии. *Это было теологическое мировоззрение, которому придали светский характер.* Место догмы, божественного права заняло государство. Экономические и общественные отношения, которые ранее, будучи санкционированы церковью, считались созданием церкви и догмы, представлялись теперь основанными на праве и созданными государством» (т. 21, с. 495–496).

Отстаивая материалистическое мировоззрение, фейербахинец Энгельс вступил в полемику с Карлейлем. В его отпо-

---

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2, т.1, с. 579–580.

веди Карлейлю резко подчеркнуто различие между буржуазным атеизмом и марксистским «атеизмом», а также во всей полноте отражена реакционность господствовавшего тогда христианства, о котором мы имеем возможность получить представление из уст его современника. Предоставим слово Энгельсу: «...В настоящий же момент Карлейль считает, что все бесполезно и бесплодно, пока человечество упорствует в атеизме, пока оно снова не обрело своей „души“. Не в том смысле, что следовало бы восстановить старый католицизм во всей его активности и жизненной силе или хотя бы только сохранить нынешнюю религию... Мы уже видели, что Карлейль называет атеизмом не столько неверие в личного бога, сколько неверие во внутреннюю сущность вселенной, в ее бесконечность, неверие в разум, разочарование в духе и истине... Весь его образ мыслей по существу пантеистический...

Карлейль жалуется на суетность и пустоту века, на внутреннюю гнилость всех социальных установлений... Карлейль, далее, обвиняет век в лицемерии и лжи... Мы тоже нападаем на лицемерие современного христианского миропорядка; борьба с ним, наше освобождение от этого лицемерия и освобождение мира от него, в конце концов, является нашим единственным насущным делом; но так как мы пришли к познанию этого лицемерия благодаря развитию философии и так как мы ведем борьбу на научной основе, то сущность этого лицемерия не является для нас загадочной

и непонятной, какой она, несомненно, еще представляется Карлейлю. Это лицемерие мы также относим за счет религии, первое слово которой есть ложь, — разве религия не начинается с того, что, показав нам нечто человеческое, выдает его за нечто сверхчеловеческое, божественное? Но так как мы знаем, что вся эта ложь и безнравственность проистекает из религии, что религиозное лицемерие, теология, является прототипом всякой другой лжи и лицемерия, то мы вправе распространить название теологии на всю неправду и лицемерие нашего времени, как это впервые сделали Фейербах и Бауэр. Пусть Карлейль прочтет их сочинения, если он желает знать, откуда проистекает безнравственность, отравляющая все наши отношения.

Надо, дескать, создать новую религию, пантеистический культ героев, культ труда, необходимо, во всяком случае, ждать возникновения такой религии в будущем. Но это совершенно невозможно; все возможности религии исчерпаны; после христианства, после абсолютной, т. е. абстрактной религии, после „религии как таковой“, не может появиться никакой другой формы религии. Карлейль сам признает, что католическое, протестантское или всякое другое христианство неудержимо идет навстречу гибели; если бы он знал природу христианства, он увидел бы, что после христианства уже невозможна никакая другая религия. Невозможен также и пантеизм! Сам пантеизм является выводом из христианства, еще неотделимым от своей предпосылки...

Как было сказано, и мы признаем большое значение борьбе против несостоятельности, внутренней пустоты, духовной смерти, неискренности века; со всем этим мы ведем борьбу не на жизнь, а на смерть, так же, как Карлейль, но мы имеем гораздо больше шансов на успех, потому что знаем, чего хотим. *Мы хотим покончить с таким атеизмом, каким его изображает Карлейль, мы хотим вернуть человеку его содержание, которого он лишился благодаря религии, – не какое-то божественное, но человеческое содержание, и это возвращение прямо сводится к пробуждению сознания.* Мы хотим устранить все, что объявляет себя сверхъестественным и сверхчеловеческим, и тем самым устранить лживость, ибо претензия человеческого и естественного быть сверхчеловеческим есть корень всей неправды и лжи. Поэтому-то мы раз и навсегда объявили войну также религии и религиозным представлениям и мало беспокоимся о том, назовут ли нас атеистами или как-нибудь иначе. *Между тем, если бы карлейлевское пантеистическое определение атеизма было правильным, настоящими атеистами оказались бы не мы, а наши христианские противники.* Нам в голову не приходит нападать на „вечные внутренние факты вселенной“; напротив, только мы и обосновали их настоящим образом, доказав их вечность и защитив их от произвола ПРОТИВОРЕЧИВОГО В СЕБЕ САМОМ БОГА. Нам в голову не приходит объявлять „мир, человека и его жизнь ложью“... Нам в голову не приходит подвергать сомнению или презирать „от-

кровение истории“; история – это для нас все, и она ценится нами выше, чем каким-либо другим, более ранним философским учением, выше даже, чем Гегелем, которому она, в конце концов, должна была служить лишь для проверки его логической конструкции.

В презрении к истории, в невнимании к развитию человечества повинна целиком другая сторона; в этом повинны опять-таки христиане, которые, построив особую „историю царства божия“, отказывают действительной истории во всякой внутренней значимости и признают эту значимость только за своей потусторонней, абстрактной и к тому же вымышленной историей; утверждая, что человеческий род завершает завершения в их Христе, они приписывают истории мнимую конечную цель, якобы достигнутую Христом; они обрывают историю посреди ее течения и уже поэтому, последовательности ради, должны выдавать дальнейшие восемнадцать веков за дикую бессмыслицу и полную бессодержательность. Мы требуем, чтобы истории было возвращено ее содержание, но в истории мы видим откровение не „бога“, а человека, и только человека. Нам нет надобности призывать сначала абстракцию какого-то „бога“ и приписывать ей все прекрасное, великое, возвышенное и истинно человеческое для того, чтобы увидеть величие человеческого существа, понять развитие рода в истории, его неудержимый прогресс, его всегда обеспеченную победу над неразумием отдельного индивида, преодоления человеческим родом всего, что ка-

жется сверхчеловеческим, его суровую, но успешную борьбу с природой вплоть до достижения, в конце концов, свободного, человеческого самосознания, до ясного понимания единства человека и природы и вплоть до свободного, самостоятельного творчества нового мира, покоящихся на чисто человеческих, нравственных жизненных отношениях...

Только человеческое происхождение содержания всех религий дает им еще кое-где хоть какое-то право на уважение; лишь сознание, что даже самое дикое суеверие все же в основе своей отражает вечные свойства человеческой сущности, хотя бы и в такой изуродованной и искаженной форме – только это сознание спасает историю религии, особенно в период средневековья, от полного ее отрицания и вечного забвения, иначе, конечно, такая судьба постигла бы эту „богопреисполненную“ историю. И чем больше в ней „богопреисполненности“, тем больше в ней бесчеловечности, скотоподобия; „богопреисполненные“ средние века, во всяком случае, привели к полному озверению человека, к крепостничеству, к праву первой ночи и т. д. Безбожие нашего времени, на которое сетует Карлейль, есть именно его богопреисполненность. Отсюда становится ясным, почему выше я назвал человека решением загадки сфинкса. До сих пор вопрос всегда гласил: что есть Бог? – и немецкая философия разрешила его так: Бог – это человек. Человек должен познать самого себя, сделать себя самого мерилом всех жизненных отношений, дать им оценку сообразно своей сущности,

устроить мир истинно по-человечески, согласно требованиям своей природы, – и тогда загадка нашего времени будет им разрешена. Истину следует искать не в призрачных потусторонних областях, не вне времени и пространства, не в каком-то „боге“, якобы пребывающем внутри мира или противопоставленном ему, а гораздо ближе, в собственной груди человека. Собственная сущность человека много величественнее и возвышеннее, чем воображаемая сущность всех возможных „богов“, которые ведь представляют собой лишь более или менее неясное и искаженное отображение самого человека».

«Пока государство и церковь – единственные формы, в которых осуществляются всеобщие свойства человеческой сущности, до тех пор о социальной истории не может быть и речи... Из развалин феодализма возникло христианское государство, завершение христианского миропорядка в политическом отношении; возведением интереса во всеобщий принцип завершается этот христианский миропорядок в другом отношении... Далее, пока продолжает существовать основная форма отчуждения, частная собственность, до тех пор интерес необходимо должен быть частным интересом и его господство должно проявляться как господство собственности. Уничтожение феодального рабства сделало „чистоган единственной связью между людьми“. *Собственность – природное, бездушное начало, противостоящее человеческому, духовному началу – возводится благодаря это-*

му на трон, и, в конечном счете, деньги – отчужденная, пустая абстракция собственности, – делаются властелином мира. Человек перестал быть рабом человека и стал рабом вещи; извращение человеческих отношений завершено; рабство современного торгашеского мира – усовершенствованная, законченная, универсальная продажность – носит более бесчеловечный и всеобъемлющий характер, чем крепостное право феодального времени; проституция носит более безнравственный и более грубый характер, чем право первой ночи. – Выше этого христианский миропорядок подняться не может: он должен рухнуть от внутренних причин и уступить место человеческому, разумному строю» (т. 1, с. 585–595; 603–606).

А вот отрывок из совместной работы Маркса и Энгельса этого же периода, говорящий о том, что марксистский материализм и «атеизм» несет в себе идею коммунизма – идею общинности: «Не требуется большой остроты ума, чтобы усмотреть необходимую связь между учением материализма о прирожденной склонности людей к добру и равенстве их умственных способностей, о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии внешних обстоятельств на человека, о высоком значении промышленности, о правомерности наслаждения и т. д. – и коммунизмом и социализмом. Если человек черпает все свои знания, ощущения и пр. из чувственного мира и опыта, получаемого из этого мира, то надо, стало быть, так устроить окружающий мир, чтобы

человек в нем познавал себя как человека. Если правильно понятый интерес составляет принцип всей морали, то надо, стало быть, стремиться к тому, чтобы частный интерес отдельного человека совпадал с общечеловеческими интересами... Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими. Если человек по природе своей общественное существо, то он, стало быть, только в обществе может развить свою истинную природу, и о силе его природы надо судить не по силе отдельных индивидуумов, а по силе всего общества...» (т. 2, с. 145–146).

Приведем также следующие слова Маркса: «*Коммунизм как положительное упразднение частной собственности* – этого самоотчуждения человека – и в силу этого как подлинное присвоение *человеческой* сущности человеком и для человека: а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку *общественному*, т. е. человеческому... он есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение вопроса между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он – решение загадки истории...» (т. 42, с. 116).

Таким образом, есть буржуазный атеизм и марксистский

«атеизм». Маркс определял свой атеизм и коммунизм так: «атеизм есть гуманизм, опосредованный с самим собой путем снятия религии», а «коммунизм – гуманизм, опосредованный с самим собой путем снятия частной собственности» (т. 42, с. 169). По словам Маркса, «задача истории, с тех пор, как исчезла правда потустороннего мира, утвердить правду посюстороннего мира» (т. 1, с. 414).

Ваш отец – Дьявол. Он лжец и отец лжи

Нам уже не могут больше внушать почтение такие... противоположности, как противоположности истины и заблуждения, добра и зла, тождества и различия, необходимости и случайности. Мы знаем, что эти противоположности имеют лишь относительное значение: то, что ныне признается истиной, имеет свою ошибочную сторону, которая теперь скрыта, но со временем выступит наружу; и совершенно так же то, что признано теперь заблуждением, имеет свою истинную сторону, в силу которой оно прежде могло считаться истиной...

К. Маркс, Ф. Энгельс

Маркс писал, что «бог евреев стал мировым богом и духом христианских народов»⁴. Его заключение основано на том, что в Ветхом завете Яхве называет себя единым и единственным Богом на земле и на небе, и это лживое утверждение: «Нет Бога, кроме Яхве», – принятое иудаизмом, стало вероисповеданием господствующего иудеохристианства. Но этот *дух заблуждения* распространился вопреки учению Христа, называвшего бога иудеев дьяволом, лжецом и отцом

---

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Т. 1, с. 408–413.

лжи (Иоан. 8:44) и призвавшего человечество к познанию Бога истинного – Духа Святого, которого иудеи не знают⁵. Апостолы Христовы заповедали познать не только Бога истинного, но и истинного Христа.

Далее. Как мы выяснили выше, в идеалистической диалектике Гегеля бог иудеев вырос до Абсолюта, что является уже ошибкой Гегеля. Маркс и Энгельс, перерабатывая диалектику Гегеля, следом за Фейербахом совершенно справедливо исключили такого бога и такой Абсолют в лице Яхве из своей философии. Они заменили Абсолют понятием вечно самодвижущейся, саморазвивающейся материи, а таинственный источник этого развития и движения заключается в единстве и борьбе противоположностей.

Ленин, сетовавший, что Гегеля не успел проработать как следует, фактически вновь ввел понятие Абсолюта как *«Единое»*, но уже *раздваивающееся на взаимоисключающие противоположности*, борьба которых есть источник развития, эволюции. «Развитие есть борьба противоположностей... Главное внимание устремляется именно на познание источника „само“-движения». Суть диалектики, по учению Ленина, – в раздвоении ЕДИНОГО, И ДУХА И ОБЩЕСТВА в том числе, и познании противоречивых сторон его.

Ленин дал также определение философского идеализма: «С точки зрения диалектического материализма, философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное, чрез-

---

⁵ Иоан. 7:28; 8:26–47 и др.

мерное, безмерное развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолюте, оторванный от материи, от природы, обожествленный». (См. работу «К вопросу о диалектике»). Так что под идеализмом, и гегелевским в том числе, надо понимать монотеизм Яхве в философии.

Для нас очень важно ленинское положение *о раздвоении духа и общества и познании противоречивых сторон его, а также то, что Энгельс называл единого библейского бога «противоречивым в самом себе»*. Последовательным диалектикам, будь они идеалистами или материалистами (для материалистов религия все равно существует как одна из форм общественного сознания) следовало бы к этим противоречиям и к этому единому «противоречивому в самом себе Богу» применить диалектический метод, и тогда все встало бы на свои места. Однако Гегель не смог этого сделать, возможно, из-за своего богословского образования. Хотя он и видел противоречия в Библии: «Удивительный, бесконечно жесткий, жестчайший контраст: Бог есть, с одной стороны, Бог неба и земли, абсолютная мудрость, абсолютное могущество, но в то же время цель этого бога столь ограничена, что содержание этой цели только одна семья, только один этот народ. Хотя все народы должны его признать, должны славить его имя, но реально осуществленным, действительным делом его является только этот народ в его положении, его наличном бытии, в его бытии внутреннем, внешнем, по-

литическом, нравственном. *Итак, бог есть лишь бог Авраама, Исаака, Иакова...* бог есть бог лишь этого народа, а не всех людей, и этот народ есть народ божий (...) Знание бога, признание его... часто выступает в такой форме, которая, с нашей точки зрения, *ложна*, а именно, когда о боге говорится, что он могущественнее и сильнее других богов, как будто *наряду с ним есть и еще боги*».

Но, даже несмотря на эти вопиющие противоречия, Гегель видел в Библии только одного и только доброго бога-отца. Не видя зла и лжи в Библии, он определил «единого бога Израилева» как Абсолют и как абсолютное Добро: «Бог есть только абсолютное добро». Тем самым Гегель поставил себя в трудное положение с решением вопроса о происхождении зла. В поисках ответа он сравнивал иудейскую религию с зороастрийской религией, которую называл «религией света и добра», и писал: «Перед нами два принципа, составляющие восточный дуализм: царство добра и царство зла – эта великая противоположность достигает здесь своей всеобщей абстракции. В многообразии предшествующих богов содержалось, правда, многообразие, различие; однако совсем другое дело, когда эта раздвоенность становится всеобщим принципом, когда различия противостоят друг другу в подобном дуализме. Перед нами в самом деле добро, истинное, могущественное, но в борьбе со злом, и зло противостоит ему в качестве абсолютного принципа и продолжает противостоять (...) Свет находится в состоянии борьбы с тьмою, со злом,

которое он должен победить... Дуализм света и тьмы приближается здесь к единению... Ормузду (Святейшему Духу – А. Б.) постоянно противостоит Ариман (Злой, Лукавый, Лживый Дух, Князь тьмы – А. Б.); правда, существует представление, что в конечном итоге Ариман будет побежден, но это относится к будущему, но не к настоящему»⁶.

Эта отнесенность царства добра в будущее противоречила гегелевскому определению Бога (Духа, Абсолюта) как исключительно Добра: «Бог, сущность, дух, истинное должен присутствовать в настоящем, а не перемещаться в представление о будущем или о прошлом.

Добро – и это основное требование – должно быть действительно положено в себе в качестве реальной мощи и постигаться как в качестве всеобщей, так и в качестве реальной субъективности».

Гегель искал дуализм иудейской религии не в противоположности Бога истинного – Духа Святого и сатаны – Лживого, Лукавого Духа, но в противоположности «абсолютно доброго иудейского бога» и «иного духа» павшего человечества: «Дуализм... эта противоположность есть и в иудейской религии, но она не в боге, а в другом духе; Бог есть Дух и его творение, мир тоже дух; именно здесь есть раздвоение... Эта противоположность является трудным пунктом,

---

⁶ Напомним, что зороастризм возник в Иране после того, как иудеи со своей верой в Яхве и грядущего Царя Иудейского провели здесь 70 лет во время вавилонского рассеяния.

ибо она составляет противоречие; добро само по себе не является противоречащим, противоречие впервые входит через зло, только зло его порождает. Тут и возникает вопрос: как зло пришло в мир?... Где Бог есть мощь и единый субъект, где все положено только им, тут зло есть нечто противоречащее, ибо Бог есть только абсолютное добро. В Библии сохранилось древнее представление об этом – грехопадение. Это известное представление о том, как зло вошло в мир... Эта простая история прежде всего может быть понята так: Бог дал человеку заповедь, а человек, побуждаемый бесконечным высокомерием, пожелав стать равным Богу, эту заповедь нарушил» (*Гегель Г. – В. – Ф. Философия религии. В 2 т. Т. 2. М., 1977. С. 11, 22, 104, 105, 107*).

Гегелю не хватило критического отношения к Библии. Великому диалектику не хватило последовательности. Между тем, если к противоречиям Библии применить диалектический метод, тогда библейский «единый» «противоречивый в самом себе Бог» разделится на борющиеся противоположности: Бог истинный и диавол, Дух Святой и Дух Лукавый, свет и тьма.

Антагонизм Духа Святого и Духа Лукавого известен с древних времен у языческих народов как противоположность света и тьмы, богов Солнца и богов Луны.

В Евангелии Дух Святой есть Отец Христа и всех сынов света, Отец Нового Мира. Лукавый же Дух по Евангелию – это дух ветхого (старого) мира, Князь ветхого мира, отец сы-

нов тьмы, отец ветхого мира. Сей Лукавый Дух и есть иудейский бог Яхве, которого Христос называет диаволом (сатаной). Задача познания этих противоречивых сторон духа, и по сей день разделяющего человечество на противоположности, сама собой вытекает из ленинского учения о диалектике. И эта задача есть все та же евангельская задача познания Духа Святого, поставленная Христом и Апостолами.

Обновиться духом ума

Как говорил Ленин, «да кто же не знает, что если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего?» (*Ленин В. И. ПСС. Т. 1. С. 181*). Это тем более относится к Евангелию как учению эволюции, данному на период в две тысячи лет. Каждой ступени эволюции в Библии соответствуют свои заповеди, и каждой новой ступени совершенствования соответствует своя форма христианства.

Маркс и Энгельс различали христианство рабовладельческого общества и христианство средневеково-монашеское (с его неучастием в делах мира, отрицанием земной жизни и перенесением упований в область загробного бытия), далее, прагматичное христианство буржуазного общества (которое наиболее ярко выражено в протестантизме), христианство утопического коммунизма и, наконец, воинствующее христианство Апокалипсиса.

Но мало кто сейчас задумывается над этим. Обычно эти формы смешиваются в одном понятии «христианство», что является причиной многих недоразумений и бесплодных изматывающих словопрений между спорящими сторонами. Хотя всем должно быть понятно, что заповедь «рабы, служите господам своим со страхом и трепетом...» относилась

к эпохе рабовладения, а слова Христа на Тайной Вечере, где Он умывал ноги ученикам, давая им пример братства и равенства, подразумевают уже высшие ступени совершенствования: «цари господствуют над народами... а вы – не так: кто из вас больший, будь, как меньший, и начальствующий, как служащий».

Ясно также, что каждая более высокая ступень эволюции духа отличается от предыдущей и более высокой моралью. Так, Энгельс, отвергая ветхую мораль, якобы данную на вечные времена, писал: «Какая мораль проповедуется нам в настоящее время? Прежде всего христианско-феодалная, унаследованная от христианско-феодалных времен; она, в свою очередь, распадается в основном на католическую и протестантскую, причем здесь опять-таки нет недостатка в дальнейших подразделениях от иезуитски-католической и ортодоксально-протестантской до либерально-просветительской морали. Рядом с ними фигурирует современная буржуазная мораль, а рядом с последней – пролетарская мораль будущего; таким образом, в одних только передовых странах Европы прошедшее, настоящее и будущее выдвинули три большие группы одновременно и параллельно существующих теорий морали. Какая же из них является истинной? Ни одна, если прилагать мерку абсолютной окончательности; но, конечно, наибольшим количеством элементов, обещающих ей долговечное существование, обладает та мораль... которая в настоящем представляет интересы будущего, следова-

тельно, мораль пролетарская...

Указанные теории морали выражают три различные ступени одного и того же исторического развития, значит, имеют общую историческую основу, и уже потому в них не может не быть много общего. Более того.

Для одинаковых или приблизительно одинаковых ступеней экономического развития теории морали должны непременно более или менее совпадать. С того момента, как развилась частная собственность на движимое имущество, для всех обществ, в которых существовала эта частная собственность, должна была стать общей моральная заповедь: не кради. Становится ли от этого приведенная заповедь вечной моральной заповедью? Отнюдь нет. В обществе, в котором устранены мотивы к краже, где, следовательно, со временем кражу будут совершать разве только душевнобольные, – какому бы осмеянию подвергся там тот проповедник морали, который вздумал бы торжественно провозгласить вечную истину: не кради!

Мы поэтому отвергаем всякую попытку навязать нам какую-то бы то ни было моральную догматику в качестве вечного, окончательного, отныне неизменного нравственного закона, под тем предлогом, что и мир морали тоже имеет свои непреходящие принципы, стоящие выше истории и национальных различий. Напротив, мы утверждаем, что всякая теория морали являлась до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения общества. А

так как общество до сих пор двигалось в классовых противоположностях, то мораль всегда была классовой моралью: она или оправдывала господство и интересы господствующего класса, или же, когда угнетенный класс становился достаточно сильным, выражала его возмущение против этого господства и представляла интересы будущности угнетенных. Не подлежит сомнению, что при этом в морали, как и во всех других отраслях человеческого познания, в общем и целом наблюдается прогресс. Но из рамок классовой морали мы еще не вышли. Мораль, стоящая выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них, действительно человеческая мораль станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике» (т. 20, с. 94—96).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.